

Глушецкая С. М.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 34-36. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

5. **Марийский фольклор:** сказки луговых мари. Марий калык ойпого / Сост. С. С. Сабитов. - Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. - 288 с.
6. **Современный словарь иностранных слов:** Ок. 20 000 слов. - М.: Рус.яз., 1992. - 740 с.
7. **Черных С. Я.** Словарь марийских личных имен. - Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. - 626 с.
8. **Энциклопедия.** Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост. В. Андреева и др. - М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. - 556 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

*Глушецкая С. М.
Белгородский государственный университет*

На взаимосвязь языка, культуры и национальной личности, на роль языка как национальной формы воплощения культуры («народного духа») указывал ещё основатель теории общего языкознания («философии языка») В. Гумбольдт в труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества»: «... в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметами и человеком, так и весь язык в целом выступает между предметом и природой, взаимодействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей <...>; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [цит. по Воробьев 1997: 23].

Введённые В. Гумбольдтом в научный обиход понятия «внутренней формы языка» и «картина мира» (die innere Sprachform, das Weltbild) воспринимаются прежде всего психологической наукой, претендовавшей в XIX-XX вв. на роль методологической (гносеологической) основы философии, в том числе и проблемы соотношения языка и мышления, и многие проблемы национальной специфики языка рассматриваются в работах Х. Штейнталя (развивающего теорию «внутренней формы языка» и «народного духа» и В. Вундта (прежде всего в его работе «Völkerpsychologie», в которой много внимания уделяется этимологии языковых единиц на основе учета национально-специфического компонента значения, а позднее - в рамках лингвистического направления, получившего название «неогумбольдтианства» и восходящего к концепции «промежуточных духовных миров» и «национального мировидения» (die geistige Zwischenwelt, die muttersprachliche Weltansicht) Л. Вайсгербера, а также в концепции «лингвистической относительности», основы которой, независимо друг от друга заложили этнолингвисты Э. Сепир и Б. Уорф. Однако идеи, разрабатываемые в рамках работ представителей и последователей данных концепций, в течение долгого времени не признавались «традиционной» лингвистикой, поскольку они находились под влиянием буржуазных субъективистских (идеалистических) философских учений о языке, и, гиперболизируя его роль в качестве показателя национального мироощущения и средства «миросозидания» (человек видит мир таким, каким его представляет и «творит» усваиваемый им национальный язык), данные концепции исходили из понятия кардинальных различий языковых, а соответственно и культурных (понятийных) картин мира, в силу чего невозможно полное взаимопонимание носителей различных языков и культур, а соответственно невозможен и перевод с одного языка на другой, поскольку «культурная адаптация» понятий исходного языка к понятиям переводящего языка (ИЯ, ПЯ) ведет к искажению смысла культурных образов и текста оригинала. Некоторые концепции (в частности, Л. Вайсгербера и его школы) имели национальноспецифическую «окраску», разграничивая народности на основании структуры их языка (и выявляемых на этой основе концептосфер, понятийных картин мира) на высокоразвитые и низкоразвитые, «примитивные», что и повлекло за собой вполне обоснованную критику и - на определенное время - «отчуждение» от рациональных аспектов данных теорий.

Вместе с тем практика интеркоммуникации в процессе обмена делегациями и туристическими группами, а также обучения иностранных студентов в России и российских студентов за рубежом, выявили наличие определенных (а нередко и значительных) национальных различий в специфике как вербальных, так и невербальных средств коммуникации, т.е. различий культурного плана, отражающихся в языке и создающих национально-специфические «языковые картины мира» (здесь уместно вспомнить термин неогумбольдтианства: «die muttersprachliche Weltansicht»). На основе исследования «языковых картин мира» (ЯКМ) постепенно формируется три науки: этнолингвистика, лингвострановедение и лингвокультурология, обнаруживающие наряду с общностью целеустановки (выявление взаимодействия языка и культуры, выявление культурного компонента в семантической структуре языковых единиц) определенные различия объекта и предмета исследования. Так, этнолингвистика (Н. И. Толстой и его школа) изучает «язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов, план содержания культуры, народной психологии и мифологии» [ЛЭС 1998: 597]. Лингвострановедение, сформировавшееся как лингвистическая наука в процессе обучения иностранных студентов русскому языку (основоположники: Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, постепенно обретает лингводидактический характер (от вопросов теоретического характера приходит к проблемам методики преподавания с учетом лингвокультурологических аспектов «картин мира» русскоязычного и иноязычных социумов, к созданию лингвострановедческих словарей и к другим проблемам прикладного характера): «Лингвострановедение представляет со-

бой методический, лингводидактический аналог социолингвистики. Социолингвистика изучает экстралингвистический план языка как таковой с сугубо познавательными целями. Лингвострановедение занимается экстралингвистическим планом языка с точки зрения учебного процесса, то есть с прикладными целями» [Верещагин, Костомаров 1990: 16]. На роль доминирующей науки в настоящее время претендует находящаяся в процессе становления лингвокультурология, продолжающая развивать идеи этнолингвистики, лингвострановедения и семиотики и ориентированная на создание научной теории синтезирующего типа (наиболее видные теоретики этого направления: В. В. Воробьев, Ю. Н. Караулов, В. Н. Телия): «Лингвокультурология - комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающие этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 36-37]. «...язык - нация (национальная личность) - культура» - центральная триада лингвокультурологии, фокус, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы этой отрасли науки» [там же: 13].

Наличие двух объектов исследования, анализируемых в их взаимосвязи, однако имеющих и свой самостоятельный статус и предмет исследования, ведет к тому, что главенствующим в рамках конкретных исследований оказывается либо язык, либо культура, в силу чего в рамках лингвокультурологического подхода формируется два направления, которые условно можно обозначить как филологическое и философско-культурологическое. В рамках филологического подхода основное внимание уделяется семантической структуре языковых единиц, одним из составных компонентов которой является национально-специфическое культурологическое значение (или этносема), позволяющее глубже проникнуть во «внутреннюю форму» и в историю становления соответствующих «культурных конструктов» и их «культурных смыслов»; формирующихся в результате взаимодействия языка и культуры как двух семиотических систем [Телия 1999: 13-16; Брагина 1999: 131-133]. Наиболее известными исследованиями этого типа являются работы по фразеологии В. Н. Телия и представителей основанной ею фразеологической лингвистической школы, которая в настоящее время, согласно замечанию В. Н. Телия, преодолев «кризис структурно-таксономической парадигмы», приблизилась в настоящее время к лингвокультурологическому анализу и соответственно к антропологической парадигме гумбольдтовской ориентации [Постовалова 1999: 32], разрабатываемой в рамках таких тесно связанных друг с другом направлений, лингвогносеология, лингвоэтнология, лингвосоциология, лингвопсихология, лингвопалеонтология и молодая, становящаяся наука лингвокультурология (находящаяся в стадии своего проектирования становления [там же: 29-30]).

Некоторые исследователи данное направление лингвокультурологических исследований трактуют как ответвление этнолингвистики, обусловленное иерархией и неравнообъемлемостью «долей» лингвистики и культурологии: взаимоотношение языка с этносом, народным менталитетом и культуры формирует определенную лингвокультуру, через которую исследователь, как сквозь линзу, может увидеть материальную и духовную самобытность этноса (Volksgeist, дух народа, согласно В. Гумбольдту и Х. Штейнталу) [Воркачев 2001: 64-65]. Однако В. Н. Телия отмечает в качестве основополагающего признака лингвокультурологии и этнолингвистики сугубо синхронической ориентации первой и диахронической направленности - второй: «Её (этнолингвистики - С. Г.) основные задачи сводятся к реконструкции по данным языка отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний» в их диахроническом движении, дающим богатейший материал для сопоставления культур названных выше этнических сообществ» (нации, народа, племени - С. Г.) [Телия 1999: 16]. Вместе с тем исторический (этимологический) анализ отвергается не всеми лингвокультурологами (в частности, Ю. С. Степановым, Н. Г. Брагиной), признающими, что «взгляд на культурное ретроспективен и историчен» [Брагина 1999: 132], и различия лингвокультурологии и этнолингвистики видятся в ином аспекте: так, если этнолингвист отвечает на вопрос, как называется данная реалья в данном языке на данной территории, то лингвокультуролог, используя сведения культурно-исторического характера, пытается ответить на вопрос, почему она так называется, что легло в основу номинации [Кошарная 1999: 25].

В качестве специфического предмета филологически-ориентированной лингвокультурологии рассматриваются следующие языковые явления: 1) безэквивалентные языковые единицы и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке. 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение; 9) область речевого этикета [Маслова 2004: 36-47].

Философски ориентированная лингвокультурология изучает социокультурные аспекты языковой картины мира этносоциума, «определенным образом отобранную и организованную совокупность его культурных ценностей», формирующих его национально-специфическую картину мира, исследуя «сквозь призму языка» концепты национальной культуры, характер национального менталитета, «лингвокультурологическое мышление» социума [Воробьев 1997; Тер-Минасова 2000; Кошарная 2002]. Данное направление более тесно связано с культурфилософией, социологией культуры, социолингвистикой, культурной антропологией и, по мнению некоторых исследователей (А. И. Арнольдова, С. П. Мамонтова, В. В. Воробьева и др.), может рассматриваться как один из блоков культурологии [Воробьев 1997: 35].

Вместе с тем исследование триады «язык-культура-личность» теснейшим образом связано с решением важнейших философских проблем, в том числе и проблемы взаимодействия языка и мышления, которое «состоит в динамическом развертывании принципиального положения (лингвокультурологии - С. Г.): «человек» (личность), «окруженный» его национальным языком (мышлением) в его отношении в преобразующей деятельности к «окультуриваемой» природе» [там же: 312].

Теоретическую основу лингвокультурологии как новой научной парадигмы исследования языка и культуры составляет семиотическая модель, предполагающая целостное и системное описание объекта в рамках лингвокультурологического поля, соприкасающегося с понятием «функционально-семантического поля» А. В. Бондарко, «идеографического поля» В. В. Морковина, «словообразовательного гнезда» А. Н. Тихонова, «семантического поля» Л. А. Новикова [Воробьев 1997: 37, 57, 313]. Схема поля лингвокультурологических смыслов языковых единиц, приводимая в работе В. В. Воробьева [там же: 44] наглядно иллюстрирует, что в нём лингвистический аспект подобен лишь вершине айсберга, в то время как культура составляет большую его «подводную» (имплицитную) часть.

Наряду с тремя аспектами семиотики (синтактикой, семантикой, прагматикой), предложенными в работах основателей этой науки (Ч. Пирсом и Ч. Моррисом), развивающих идею знаковости языка, лингвокультурология учитывает и сигматику как четвертый аспект семиозиса, характерный для концепции Г. Клауса, сущность которой заключается в сочетании семантического аспекта («знак-значение») с сигматическим как аспектом референтной соотнесенности, предполагающим «углубление» в предметный внеязыковой мир («знак-значение-референт/денотат»), «погружаясь» в факты культуры, т.е. выявить не только «словарное» лексическое значение слова («реалему» как обозначение класса предметов), но и проникнуть в специфику конкретной реалии (как предмета материальной культуры, национально-культурного артефакта), весь «фрейм» его признаков [Воробьев 1997: 38-39, 41, 43, 313].

Языковые единицы в комплексе их языкового значения и внеязыкового культурного смысла («социокультурной коннотации», «культурного «ореола») трактуется в рамках данного подхода как лингвокультуррема (в сфере филологического подхода преобладает термин «таксон») [Воробьев 1997: 44; Сукаленко 1999: 69]. Лингвокультуррема шире понятия слова в собственно лексическом значении: она включает в себя как лексическое, так и культурологическое значение («социокультурный контекст»); в отличие от слова, которое ограничивается реалемой, лингвокультуррема отражает специфику «реалий», их культурную «знаковость»; язык лишь намекает «ближайшим» значением на то, что должно быть эксплицировано с помощью «дальнейшего» значения (данные термины заимствованы из концепции А. А. Потебни), которое представляет собой различного рода ассоциации, выходящие за пределы обычной языковой дефиниции [Воробьев 1997: 45, 50-51].

Следует отметить, что культурная информация зачастую не фиксируется в двуязычных словарях, или дается недостаточно полно в толковых и энциклопедических словарях, в связи с чем отмечается необходимость создания лингвокультурологических словарей, для чего необходимы предварительные исследования в рамках как филологического, так и философского направлений лингвокультурологии, непосредственно связанные с «соседними» науками, поскольку слово в его словарной дефиниции предстает лишь как «намёк» (А. А. Потебни, в то время как в сознании носителя языка оно пробуждает всю совокупность «культурного ореола»). Таким образом, необходима качественно новая парадигма языкового культурологического образования для теоретической и практической подготовки специалистов-филологов и переводчиков как посредников в межкультурном общении с целью формирования лингвокультурологической компетенции филологов-билингвов (и мультилингвов), позволяющей преодолевать «языковые барьеры» (Л. К. Латышев) во избежание «культурного шока» и «срыва коммуникации» [Воробьев 1997: 47-48, 313; Латышев 2000: 12].

Список использованной литературы

1. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. - 1999. - С. 131-137.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Русский язык, 1983. - 3-е изд., перераб. и доп. - 269 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 64-72.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). - М.: Изд-во РУДН, 1997. - 331 с.
5. Кошарная С. А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. - Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. - 141 с.
6. Латышев Л. К. Технология перевода. - М.: НВИ-Тезаурус, 2000. - 278 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. - 2-е изд. - 208 с.
8. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. - 1999. - С. 25-33.
9. Сукаленко Н. И. О различной степени сокрытия смыслов культурных таксонов // Фразеология в контексте культуры. - 1999. - С. 69-73.
10. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - 1999. - С. 13-23.
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
12. Языкознание // Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 2-е изд. - 685 с.